

фии порождает ложное впечатление о ее стагнации, закрытости и бесполезности, чего никак нельзя допустить» (с. 391).

Т.В. Виноградова

2015.02.011. АНГЕР Э. МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛЕВАНТНЫМ ФИЛОСОФСКИМ ВЫВОДАМ?

ANGER E. Is empirical research relevant to philosophical conclusions? // Mod. schoolman. – Saint Lois, 2014. – Vol. 90, N 3. – P. 365–385.

Ключевые слова: экспериментальная философия; категория счастья; «кабинетные методы»; эмпирические исследования.

Современная философская литература, касающаяся проблем счастья и внутреннего благополучия, по словам автора – сотрудника Университета Джорджа Мэйсона (США), основывается на вере в то, что эмпирические исследования позволяют делать философские заключения. Далеко не все философы согласны с этим положением, поэтому свою задачу автор видит в том, чтобы доказать его правомерность.

В истории западной философии вопросы счастья и внутреннего удовлетворения играли центральную роль примерно два с половиной тысячелетия. Тем не менее философы лишь недавно обратили внимание на систематические эмпирические исследования этих категорий. В психологии подобные исследования, трактующие счастье и внутреннее благополучие «как позитивные или желаемые субъективно переживаемые ментальные состояния» стали вестись в 1920–1930-х годах. Первым философом, который серьезно отнесся к этой теме, стал Н. Решер (*N. Rescher*, 1972). Вновь она появилась в философской литературе в 1990-е годы и с тех пор уже не сходила с арены. Философов, занимающихся этой проблематикой, объединяет вера в то, что систематические эмпирические исследования позволяют делать философские заключения. Ярче всего эта вера проявилась в работах Д.М. Хэйбрана (*D.M. Haybron*). Он критикует попытки философов ответить на главные философские вопросы с помощью исключительно «кабинетных методов»: «Часто говорят, что Сократ поставил главный вопрос этики: как я должен жить? На протяжении почти 2400 лет философских споров мы не слишком приблизились к ответу на этот вопрос» (цит. по: с. 366). По-

этому И.Д. Хэйброн верит, что систематическое эмпирическое исследование способно помочь в этих поисках.

Ф. Фельдман в своей ставшей очень популярной книге «Что такое счастье?»¹ придерживается противоположной точки зрения. Он убежден, что позитивная психология либо бессмысленна, либо иррелевантна по отношению к философским заключениям. Он утверждает: а) нет данных, доказывающих, что эмпирическое исследование может помочь в ответе на главные философские вопросы; б) у философов мало причин обращать внимание на работу психологов или экономистов; в) философы не должны бояться дискредитировать себя, игнорируя важные научные данные, которые непосредственно касаются их предмета (с. 367).

Автор придерживается противоположной точки зрения и намерен доказать: а) систематическое эмпирическое исследование (касающееся счастья и внутреннего удовлетворения) релевантно философским выводам; б) у философов есть причины обращать внимание на работы психологов и экономистов; в) философы рискуют поставить себя в затруднительное положение, игнорируя важные научные факты, которые имеют прямое отношение к их работе.

Свой основной тезис автор иллюстрирует, анализируя ход рассуждений Ф. Фельдмана. Ф. Фельдман рассматривает пример домохозяйки, который был впервые приведен А. Сеном (*A. Sen*, 1985). Он назвал эту домохозяйку Бертой. Она находилась в полном подчинении у мужа и была поработана им. Согласно представлениям А. Сена, «Берта... была социализирована таким образом, что она оказалась неспособной увидеть, насколько ее жизнь убога и бесчеловечна... Когда Берта задумывается о своей ситуации, она не видит ничего неправильного. Она уверена, что так и должно быть. Она вполне удовлетворена» (цит. по: с. 369).

Ф. Фельдман высказывает ряд соображений, доказывая, что ситуация, описанная А. Сеном, психологически неправдоподобна. Процесс социализации не может быть настолько безболезненным и успешным: если жизнь объективно тяжелая, это не может не отражаться в сознании. Он идет дальше и доказывает, что Берта была бы гораздо счастливее, если бы в юном возрасте у нее было больше

---

¹ Feldman F. What is this thing called happiness? – Oxford, 2010. – 324 p.

свободы и возможностей. Он отмечает также, что, говоря о внутреннем благополучии Берты, необходимо учитывать то давление, которое на нее оказывали в процессе социализации. Таким образом, даже если социализация Берты была максимально эффективной, сам этот процесс обязательно был сопряжен с принуждением и отрицательным опытом. Если так, то полная оценка ее ментального состояния обнаружит, что оно далеко от идеала.

Аргументы Ф. Фельдмана автор считает важными, но его задача состоит не в их анализе, а в том, чтобы выяснить, какую роль в этих аргументах играют предположения, которые в принципе могут быть проверены с помощью эмпирических исследований. Обсуждение случая Берты – это часть широкой аргументации, развиваемой Ф. Фельдманом в пользу своего понимания внутреннего благополучия как ментального состояния. Автор провел анализ этой аргументации и пришел к следующим выводам.

1. Защита Ф. Фельдманом своего описания благополучия зависит в большой степени от утверждений, касающихся детерминант и распределения счастья, т.е. от того, кто счастлив и почему.

2. Исходя из развиваемой им концепции счастья, следует, что эти утверждения носят эмпирический характер.

3. Тот факт, что Ф. Фельдман опирается на эмпирические утверждения, далеко не случаен: учитывая природу его проекта, ему невозможно было этого избежать.

4. Эмпирические утверждения должны иметь эмпирическое подтверждение.

5. Наилучшие эмпирические доказательства могут быть получены с помощью систематических научных исследований.

6. Опираясь на эмпирические предположения, Ф. Фельдман тем не менее не приводит соответствующих эмпирических данных в их поддержку.

7. Доступные эмпирические доказательства, касающиеся свободы и счастья, не столь очевидны, как ему кажется.

8. Эмпирические исследования способны помочь в поисках ответов на философские вопросы.

9. Отсюда следует, что у философов есть причины обращать внимание на работу психологов и экономистов.

10. Философы рискуют поставить себя в затруднительное положение, игнорируя важные научные факты, которые имеют прямое отношение к их работе (с. 371–377).

Развиваемые положения подтверждают концепцию А. Кауппина (*A. Kauppinen*, 2014), которую он называет «умеренным этическим эмпиризмом». Согласно этой концепции, в метаэтике «эмпирические результаты служат важным источником данных о природе нравственных суждений или фактов», а в нормативной этике «эмпирические результаты служат важным источником данных о недеривативных моральных истинах и / или об эмпирических предположениях нормативных теорий» (цит. по: с. 380).

Идею о том, что эмпирические исследования релевантны философским выводам, нельзя считать открытием последнего времени. В XX в. большое число мыслителей разного типа доказывали, что философы должны пристально следить за систематическими научными исследованиями и теми фактами, которые они обнаруживают. Так, Б. Рассел начал свою Нобелевскую лекцию в 1950 г. со слов: «Я думаю, что подавляющее большинство современных дискуссий по политическим вопросам и политическая теория в недостаточной степени учитывают данные психологии» (цит. по: с. 377).

Точка зрения, согласно которой многие философские выводы зависят от эмпирических фактов, получила подробное обоснование в работах Дж. Ролса. К аналогичному выводу еще раньше пришел Н. Решер: «В социальной философии факты, касающиеся эмпирических условий, должны преобладать» (цит. по: с. 378). В поддержку своего вывода он цитирует И. Канта: «Понятие счастья носит настолько неопределенный характер, что, хотя каждый человек мечтает достичь его, он никогда не сможет четко сказать, чего он, собственно, хочет и что намерен сделать. Причина этого в том, что все элементы, которые принадлежат концепту счастья, носят эмпирический характер, т.е. они должны быть взяты из опыта» (цит. по: с. 378). Автор приводит еще несколько работ, разделяющих эту точку зрения.

Цитирование авторитетов имеет свои хорошо известные ограничения. Тем не менее очевидно, что все они единодушны в том, что систематическое эмпирическое исследование и эмпирические факты важны для философских выводов. Это вовсе не значит, под-

черкивает автор, что философы должны отказаться от своей методологии или что их практика должна стать неотличимой от научных практик. Это лишь означает, что они должны наладить взаимовыгодный обмен идеями ради прогресса знания.

В пользу симбиотических отношений между наукой и философией выступал еще М. Бунге. Он отмечал, что философская мысль продолжает влиять на научную теорию и практику, но что стерильные или чисто философские рамки часто приносят больше вреда, чем пользы. «Желательно, – писал он, – убедить социальных ученых в полезности изучения философии, вместо того чтобы оскорблять ее или догматично цепляться за устаревшие философские идеи» (цит. по: с. 382).

Но верно и обратное. Не менее полезно, если бы философы «были знакомы с социальной теорией в такой степени, чтобы вносить оригинальный вклад в нее, выступая... в роли живого моста между двумя областями» (цит. по: с. 383). Таким образом, лишь демонстрируя, что философы серьезно относятся к науке, они могут надеяться убедить ученых серьезно относиться к философии.

Т.В. Виноградова

2015.02.012. МЮЛЛЕР Р. КЕЙС-СТАДИ, ДЕМОНСТРИРУЮЩЕЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРНЫХ НОРМАХ НАУКИ.

MÜLLER R. Postdoctoral life scientists and supervision work in contemporary university: A case study of changes in cultural norms of science // *Minerva*. – L., 2014. – Vol. 52, N 3. – P. 329–349.

Ключевые слова: научная политика; высшее образование; академическая карьера; академическое гражданство; науки о жизни; ученые, проходящие постдокторскую стажировку.

Автор, шведский социолог, исследует, каким образом молодые ученые, проходящие постдокторскую стажировку и занимающиеся науками о жизни, участвуют в обучении аспирантов в Австралии. Это исследование служит примером тех изменений, которые произошли в культурных нормах науки за последние 20 лет.

Европейские университеты претерпели радикальную трансформацию, цель которой состояла в том, чтобы сделать их более чувствительными к сигналам рынка и более управляемыми. Эти изменения привели к обострению конкуренции за должности, фи-